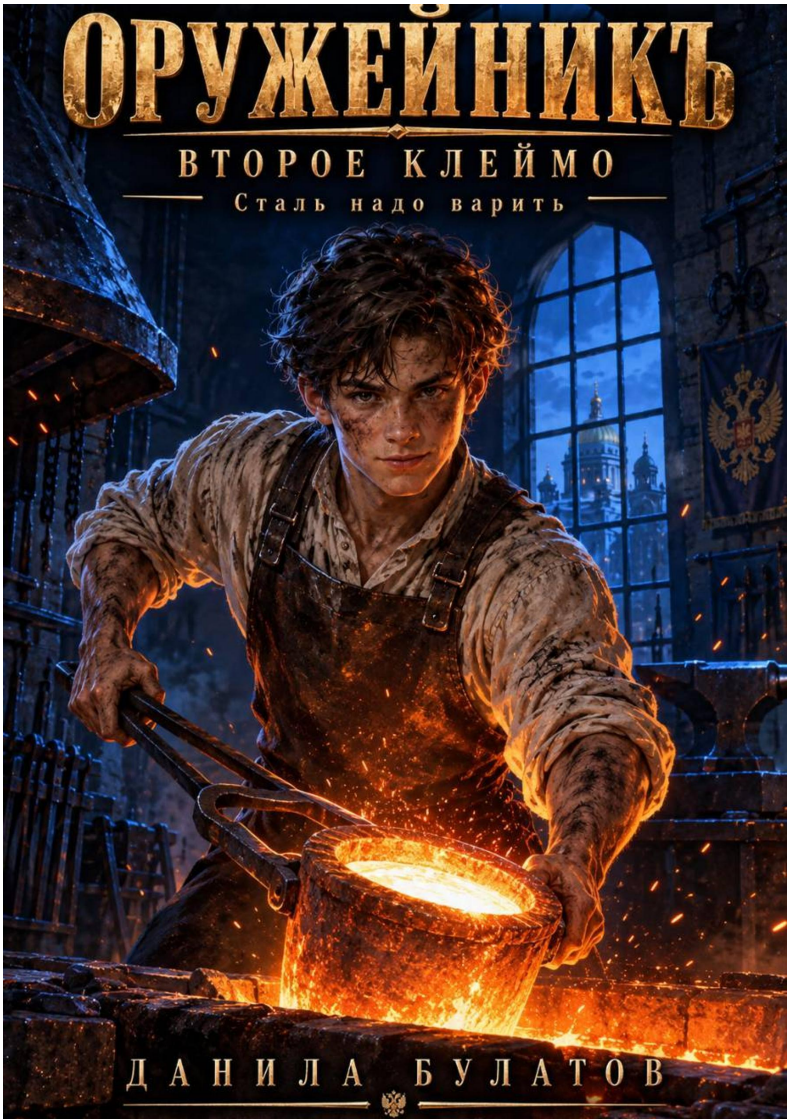

ОРУЖЕЙНИКЪ
ВТОРОЕ КЛЕЙМО
Сталь надо варить
ДАНИЛА БУЛАТОВ

Данила Булатов

Оружейникъ. Второе клеймо

https://litres.ru/74742738
SelfPub; 2026

Аннотация

Я взял третье клеймо и первый казённый заказ за сорок один год — и узнал, сколько это стоит. Двести одинаковых наконечников, семь месяцев у горна и ни единицы роста.

А порог второго клейма — сто шестьдесят. У меня сто двадцать, и выше кованая сталь не идёт.

Значит, сталь надо не ковать. Варить.

В Петербурге собирают комиссию о правилах пробы. Там будет поверщик, который мне поверил, и ротмистр с журналом заставы за двенадцать лет. И дом, которого в этом деле быть не должно, — тот, что полтораста лет варит сталь в тиглях и никому об этом не рассказывал.

Его клинок стоит шестьсот рублей и держит сорок восемь минут. Казённый за восемнадцать, который я перекалил за одну ночь, держит пятьдесят восемь.

Теперь я знаю, кому в пятьдесят девятом понадобился жулик.

А ещё в этом городе одиннадцать дней прожил мой отец и на двенадцатый не вернулся за вещами.

Содержание

Глава 1. Четыре тысячи двести семнадцать 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Данила Булатов
Оружейникъ.
Второе клеймо

Глава 1. Четыре тысячи двести семнадцать

Клеймо ставят один раз.

Это первое, что мне сказали в губернском отделении, когда выдавали плашку, и сказали не для красоты.

Клеймо ставится по нагретому, одним уда́ром, с подкладкой под изделие. Ударил косо — оттиск смазан. Смазанный оттиск есть порча клеймёного изделия, и штраф за него не маленький: смазанным клеймом можно прикрыть что угодно.

Поправить нельзя. Нельзя подбить, нельзя добить вторым ударом, нельзя зачистить и повторить: зачищенное место видно, и это уже подделка, а за подделку клейма каторга.

Один удар.

Я к первому своему удару готовился четыре дня.

Двадцатого сентября тысяча девятисотого года у меня на верстаке лежал первый наконечник казённого заказа.

Про верстак надо сказать отдельно, потому что он был новый.

Из четырёхсот сорока рублей заказа корпус выдал мне вперёд третью часть — сто сорок шесть рублей шестьдесят шесть копеек, и я эти шестьдесят шесть копеек помню, потому что держал в руках впервые в жизни такие деньги и пересчитал четыре раза.

Я потратил их за одиннадцать дней и потратил на железо.

Бочка конопляного масла — восемь рублей. Теперь мы калили в масле. Дед первую неделю ходил вокруг этой бочки и, я думаю, ночью к ней выходил.

Двадцать пудов хорошего полосового железа и шесть пудов рессорного лома. Сорок один рубль.

Тридцать пудов древесного угля. Девятнадцать рублей.

Второй мех, ножной, и новый горн, собранный у нас же во дворе из кирпича, который дед возил шесть дней.

Напильники. Тиски с двумя губками. Клещи шести видов вместо двух. Наковальня — не новая, купленная в Туле у вдовы кузнеца, сто двенадцать фунтов, с целым рогом.

И деревянный ящик с замком, а в ящике, в войлоке, плашка.

Наконечник был готов с утра.

Пакет из девяти складываний с подсыпкой костяной крошки. Ковка по шаблону, который я вырезал из жести: перекладина, втулка, лезвие в пять вершков. Цементация четыре часа. Закалка в масле. Двойной отпуск при двухстах

восьмидесяти, при двух свечах, потому что фонарь к утру желтеет.

Жар я положил сам, своей ладонью, и это было в четырнадцатый раз в жизни, и я уже знал, что после этого надо полчаса посидеть.

Померил.

Ёмкость восемьдесят шесть. Утечку снял за сутки — пятнадцать процентов.

На приборе, который я собрал по памяти с того, что мы с Чагиным сколотили на заставе, — сорок пять минут.

Казённая рогатина третьего сорта по уездному подряду дома Тулиных держит девять.

Клеймение я устроил торжественно, и мне до сих за это немного стыдно.

Я протопил новый горн, выгреб, подмёл, вынес из мастерской всё лишнее и позвал деда.

Дед пришёл, посмотрел на подметённый пол и сказал:

— Ну-ну.

Я нагрел наконечник до тёмно-красного — это шестьсот с небольшим, и по тёмно-красному оттиск садится чисто, а металл ещё не ведёт. Положил на подкладку, в заранее проточенное углубление, чтоб не качнулся.

Взял плашку клещами.

И у меня задрожала рука.

Я сорок два года прожил инженером и восемь месяцев кузнецом, и я бил молотком тысячи раз, и у меня в тот мо-

мент задрожала рука, потому что удар был один.

— Петька, — сказал дед.

— Что?

— Дыши.

Я выдохнул.

Поставил плашку. Проверил, что стоит плоско. Убрал левую руку.

Ударил.

Оттиск сел чисто.

Я смотрел на него через увеличительное стекло, которое купил в Туле за восемьдесят копеек и которое оказалось лучшей покупкой из всех.

Четыре, два, один, семь. И две буквы отделения.

Цифры стояли ровно, донизу, без завала и без двоения. Края оттиска были чёткие — значит, температура была та.

Я положил стекло и сел на чурбак.

Дед взял наконечник, поднёс к окну и рассматривал долго.

Потом он сделал то, чего я совсем не ждал.

Он положил его на верстак, вытер руки о фартук, вышел в сени и вернулся с двумя чашками и бутылкой, которой у нас в доме не было никогда.

— Дед, мне шестнадцать.

— Это тебе, — сказал он и поставил передо мной чашку с водой. — Это мне.

Он налил себе, выпил, поставил.

— Сорок один год, — сказал он.

Больше он в тот день ничего не говорил.

Теперь про то, из-за чего эта глава вообще написана.

Вечером я сел считать.

Я считал не для удовольствия. Я считал потому, что двадцатого сентября у меня было в работе двести наконечников, а срок по заказу стоял первого июня.

Двести пятьдесят три дня.

Я взял тетрадь и расписал один наконечник по часам, честно, по тому, как делал этот.

Пакет. Девять складываний, с крошкой при каждом. Девять нагревов до сварочного жара, протяжка, рубка, сварка. Одиннадцать часов на пакет, из которого выходит заготовка на три наконечника.

Ковка. Перекладина, втулка, лезвие, подгонка по шаблону. Пять часов на один.

Цементация. Четыре часа в коробке под крошкой, и ещё три на растопку, разогрев и остывание.

Закалка и двойной отпуск. Шесть часов, из них четыре — ожидание, в которое можно делать другое.

Жар. Полминуты и полчаса сидеть.

Проба. Ёмкость сразу, утечка сутки, и сутки эти изделие должно лежать в покое, то есть по-хорошему нужно два ящика и очередь.

Клеймение. Четверть часа, из них десять минут — успокоить руку.

Я сложил и разделил, и с учётом того, что часть работы

идёт внахлёст — пока одно остывает, другое греется, — у меня вышло, что в хороший день я кончаю один наконечник, а в месяц делаю около тридцати.

Двести наконечников — это шесть месяцев и три недели.

Срок мне это закрывало. Я укладывался, и даже с запасом в пять недель на то, что обязательно пойдёт не так.

Я посмотрел на эту цифру и понял, что она значит, и мне стало холодно.

Шесть месяцев и три недели.

Всё это время я буду делать одно и то же изделие третьего сорта, двести раз подряд.

Восемьдесят шесть единиц. Восемьдесят шесть. Восемьдесят шесть. Двести раз.

Я к июню не сделаю ни одной вещи, которая была бы хоть на единицу лучше той, что лежит сейчас на верстаке.

Порог второго клейма — я спрашивал Чагина ещё в Туле — сто шестьдесят единиц при утечке не выше двенадцати.

У меня сто восемнадцать было один раз, на заставе, из казённого старья, в июле. Это мой предел, и я его знаю: пакет из девяти складываний даёт около ста двадцати и выше не идёт, потому что складывать больше нельзя, а меньше не нужно.

До ста шестидесяти мне не хватает сорока двух единиц, и взять их мне нечем. Для этого нужна другая сталь, а чтобы искать другую сталь, нужны месяцы, в которые ты не кладёшь по наконечнику в день.

Я сидел над тетрадью и писал одно и то же:

Заказ — четыреста сорок рублей. Это больше, чем род заработал за сорок один год.

Заказ — двести одинаковых изделий третьего сорта.

Заказ — семь месяцев, в которые я не двинусь ни на единицу.

Дед вышел в мастерскую в одиннадцатом часу и застал меня над тетрадью.

— Ты чего?

— Считаю.

— Чего считаешь?

Я объяснил. Я объяснил коротко: двести штук, тридцать в месяц, семь месяцев, и за эти семь месяцев я останусь там, где стоял в июле.

Дед слушал, сидя на своём чурбаке, и ковырял палкой в золе нового горна, который ему, по-моему, нравился больше, чем мне.

— Петька, — сказал он, когда я кончил. — Ты вот что скажи. Заказ брать было надо?

— Надо.

— Почему?

— Потому что четыреста сорок рублей, и потому что это первый казённый заказ роду за сорок один год, и потому что отказаться — значит сказать корпусу, что я говорю больше, чем делаю.

— Ну, — сказал дед. — Стало быть, не считай, а работай.

Он поднялся.

— Я тебе одно скажу, — сказал он у дверей. — Я сорок лет делал двадцать девять и думал, что это я. Ты за год вышел на сто восемнадцать. Поделай семь месяцев восемьдесят шесть, ничего с тобой не сделается.

Он ушёл.

Он был прав, и я это знал, и всё равно сидел над тетрадью до второго часа, потому что меня держала не арифметика.

Меня держало вот что.

Заключение Чагина лежит в Петербурге с декабря. Опаринский журнал лежит там же. Три отказа Фомы Данилыча — там же.

А прецедент по делу сто семнадцать дробь восемь стоит сорок один год и будет стоять дальше, и, пока он стоит, Палата всякому, кто придёт говорить о методике, покажет его и закроет разговор.

И единственный человек в империи, у которого есть и числа, и прибор, и своё клеймо, следующие семь месяцев будет делать двести одинаковых наконечников по два двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.